

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 9 января 1988

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 9 de enero de 1988

№ 1954

МЫСЛИ ВСЛУХ

УСЛОВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В гражданском праве (а также и в коммерческом) существуют два типа договоров между уполномочивающими и уполномоченными.

В первом случае их связывает договор о передаче полномочий в широком смысле. Уполномочивающий (веритель) поручает уполномоченному (поверенному) быть его представителем, дает ему мандат заступить его место для совершения законных актов вместо него, но от его имени. (Слово мандат происходит от слов manus (рука) и dare (дать), то есть буквально — "рукоположение", откуда и "поручение". Эта терминология связана с римскими военными традициями, по которым всякое "командование" передавалось сверху вниз положением рук вышестоящего начальника на его заместителя). Однако, такие широкие полномочия в гражданском праве обозначают ведение поверенным дел верителя в строгих рамках "администрации", то есть в рамках обыденных, рутинных, не чрезвычайных дел: "Vox administrationis, omnem excludit alienationem" ("Слово администрация исключает отчуждение"). На основании общих, широких полномочий, поверенный, в частности, не может отчуждать, продавать или дарить недвижимое имущество верителя, или закладывать его, не может заключать брак от его имени, признавать его внебрачных детей, расплачиваться от его имени за его чрезвычайные (не обыденные) долги и признавать или отрицать предшествующие обязательства. Для ведения таких чрезвычайных дел, требуется в каждом отдельном случае специальное полномочие, с конкретным указанием на какой чрезвычайный акт веритель уполномочивает своего поверенного представителя. В таком случае, специальные полномочия преодолевают ограничения широких полномочий, так как specialia generalibus derogant (специальное отменяет общее). Это второй тип полномочий.

В обоих случаях необходимо еще иметь в виду три положения. Во-первых, как было отмечено в прошлом номере, "уполномочивающий не отчуждается от своих прав... В любой момент он может ими воспользоваться сам, и даже может... аннулировать данные полномочия". (За исключением, когда в мандате конкретно указывается на безотзывность конкретных полномочий). Во-вторых, nemo plus juris ad alium transferre potest quam ipse haberet (никто не может передать другому больше права, чем он сам имеет). В-третьих, bonam fidem in contractibus considerari aequum est (в договорах справедливо учитывать честность).

По аналогии, все эти ограничения и условия гражданского представительства необходимо применять и к представительству политическому.

И. А.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

Бесовская диалектика

Появление третьей волны ознаменовалось, наряду с притоком вполне здоровых элементов, созданием в эмиграции невиданного в ней до того лагеря марксистов советской выпечки, оккупировавшей, в частности, такие издания как "Страна и Мир", "СССР: Внутренние Противоречия", "Поиски" и др. По поводу печатающихся здесь, потоками, без пяти минут большевистских высказываний, хочется сказать, словами Полонского, что в их стане:

Тот и умен, кто больше врет!

Вступать с ними в спор, или хотя бы трезво оценивать их рассуждения, не всегда и легко. Потому что эти люди, которые, как правильно отметил Солженицын, приносили в СССР клятвенное отречение от правды, имеют за собою многолетнюю привычку извращать истину и превращать белое в черное и наоборот!

Один из их приемов состоит в том, чтобы делать ложные выводы из правильных предпосылок. Например: русская интеллигенция была неправа, не поддерживая либеральные реформы Александра II, — давайте поддерживать Горбачева!

Это совершенно разные вещи, помогать своему национальному правительству, цель которого была добиться благоденствия страны и всех граждан, или служить советскому режиму, стремящемуся поработить целый мир и низвергнуть его в то же море страданий, в каком барахтается уже больше полвека несчастная Россия.

Или: революция привела, вместо свободы и счастья, к небывалому угнетению и к нищете, — оставьте мысль о насильственном свержении большевизма!

Вот именно: революция, направленная против законного и традиционного правительства, вдохновляемая свирепыми антихристианскими и материалистическими иде-

ями, не могла привести ни к чему хорошему, и на практике привела к ужасному и невыносимому.

Почему и следует установленный ею богопротивный и античеловеческий строй убрать (а это только и можно совершить насильственно) и постараться восстановить предшествовавшие ему порядки; которые всем нам, — не без основания, — кажутся теперь золотым веком России.

Параллельно идет полное засорение мозгов, уже в эмиграции, фальшивыми схемами, имеющими хождение в Советском Союзе: большевиков называют *правыми* (или еще глупее, *консерваторами*), а их противников *левыми* (или *либералами*). Подобная терминология абсолютно абсурдна: левее большевизма нет ничего кроме бездны, и обойти его слева как раз невозможно.

Те, кто и сам признает марксистскую идеологию и коммунистическую практику, только и могут критиковать отдельные мелочи, — но не в состоянии отрицать советскую систему полностью; в силу чего они для нее и не опасны.

Хорошим примером могут служить материалы "Гласности", публикуемые в "Русской Мысли". Они суть, фактически, та самая *самокритика*, которую советский режим всегда в принципе допускал. Кого-то выпустить из концлагеря, кому-то дать приличную квартиру, и т. п. — это все осуществимо без фундаментального вреда для режима.

Конечно, нельзя винить людей там, за то, что они отстаивают интересы отдельных лиц (это, в конце концов, справедливо и похвально), и тем более за то, что они прямо не атакуют компартию и кремлевскую клику (не переть же им на рожон!). Но подобные речи, извинительные в пределах красной Империи Зла (включая, и в ее сателитах), становятся чудовищными, когда перенесены в свободный мир.

Разговоры о соблюдении сталинской конституции является, автоматически, капитуляцией перед темными адскими силами. Если мы признаем большевизм как законную власть, наш протест теряет всякую ценность; примирившись с существованием большевистского строя, нельзя уже с ним бороться. Только бескомпромиссно его отрицая, возможно ему противостоять.

Примирить Бога с Сатаной, следовать зараз двум полярно противоположным программам, немислимо никак.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

МОНАРХ — ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

"... Цепочку "Бог — население — управление — монарх" мне кажется, что можно соединить с цепочкой Л. Тихомирова "Бог — монарх — управление — население", если из этих двух цепочек сделать круг с циркуляцией в обоих направлениях. Блаженный Августин, кажется, сказал: "В глубине человека живет Бог". Идея монархии заключается не только в единовластии (тиран тоже единовластен), а в нравственном подчинении верховной власти совести самого монарха, совести, которая в своей глубине должна иметь Бога, а посему и находится в симфонии с совестью индивидуальных личностей, из которых состоит население. Не коллектив, а личности, в политическом отношении граждане, в экономическом отношении хозяева. Представитель верховной власти — символизирует не только такую личную совесть каждого из граждан, но и символизирует единоличного хозяина. Конечно, можно спросить, как проверить такую личную совесть монарха? Также, как можно спросить, как проверить личную совесть судьи? И даже больше, как проверить не только нравственную целостность судьи, но и его правовое сознание?

Мне кажется, что фигура верховного судьи лучше и больше чем какая-либо другая фигура, ближе всего соответствует фигуре монарха. В исторической русской науке даже есть такая теория, что Рюрик был призван, как говорит летопись, "судить по праву", в качестве вышестоящего и постороннего арбитра, не замешанного во внутренние интересы граждан. Верховная судебная власть не должна зависеть от внутриобщественных комбинаций. Поэтому, первый царь древнего Израиля не был избран, а назначен Богом, через пророка, в одиночестве, у берега реки. Он был помазан без присутствия народа, который таким образом никак не был замешан в этот выбор. В данном случае, это и есть трансцендентность власти, ее независимость от частных интересов. Есть предположение, что даже выражение "самодержавие" обозначает именно такую отрешенность от внутреннеобщественных интересов и от внешней зависимости, а не обязательно "неконституционность" или абсолютизм единовластия. Не единовластие, а сочетание многих властей, начиная с низового самоуправления, и кончая верховной "арбитражной" властью, независимой от партий, монополий, синдикатов и каких бы то ни было тайных или явных корпораций...

В этом отношении царь обеспечивает высшее правосудие в государстве. Царь Саломон определял свою функцию следующим образом: "Царь сидит на престоле и отгоняет своими очами все злое". На московской Руси существовала теория, что царь принимает на себя бремя и даже грех расправы со злодеями, за всех граждан..."

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Ржевский. "За околицей". ("Эр-митаж", 1987).

Книга носит подзаголовок "Рассказы разных лет". Итак, это подборка, — и крайне неудачная! Она плохо представляет творчество покойного писателя; вернее отражает наиболее неудачные стороны его эволюции. Часть рассказов, объединенных здесь, являются на самом деле скорее очерками или зарисовками с натуры ("Рябиновые четки", "В бинокль", "Задумчивый старикаш"); лишённые фабулы, они передают минутные настроения, случайные впечатления от скользящего по поверхности взгляда, на миг на чем-то остановившегося.

Другие, в первую очередь "За околицей", чье название послужило и титулом всему сборнику, воспроизводят как раз то, в литературной карьере Ржевского, что мы предпочли бы забыть: темноватую эротику, в которую он постепенно впадал под конец жизни. Конечно, не может быть никакого сравнения с мерзостями нынешней поры, со всякими там Лимоновыми и Милославскими! (Да *такого* в те времена нигде бы и не напечатали...). Но вступление на скверную дорожку, протоптанную насквозь растленными западными литераторами, в стиле Лоуренса и Миллера, — налицо...

Тогда как, например, "Малиновое варенье" неприятно своим надсаживающимся восхвалением Америки. И что это делается с *русскими американистами*? Ведь вот, например, русские авторы, живущие во Франции, в Германии или в Италии (или странствующие по разным странам) пишут нередко об этих государствах и их жителях, иногда отзываясь о них с пониманием и с сочувствием.

Но мы не вспомним примера, чтобы кто-либо из них впадал в захлебывающийся, за версту отдающий подхалимством, восторг, — а в США он так и бьет из-под эмигрантских перьев, равно у представителя второй волны Ржевского или у представителя третьей, — Аксенова (да можно бы и из первой волны кое-кого назвать...).

О Ржевском в целом хочется сказать, что он был писатель несвершенных возможностей. Начал он блестящей "Девушкой из бункера", напечатанной в "Гранях" и сразу составившей ему имя, и вызвавшей у читателей живые надежды на его будущее в литературе. Увы, она так и осталась лучшим из его произведений; редко потом он поднимался хотя бы на миг до ее уровня, а выше — уже не сумел никогда.

Прокинутая драматическим действием фронтальная фреска эта, из эпохи Второй Мировой войны, ярко и правдиво представляла судьбы и переживания нашего поколения, — тех, кто воевал на той или на другой стороне (а порою, сперва на той, а

потом на другой), кто сидел в лагерях для военнопленных, наблюдал и испытывал на себе германскую оккупацию, с плохой и с хорошей ее стороны.

Как мало нашлось людей, которые бы про эти — важные для судеб России — вещи попробовали бы, а тем более сумели бы рассказать; да еще и в художественной форме! Правда, и обстановка не благоприятствовала...

Вот и вышло, что, помимо Ржевского, кусочки правды о том периоде лучше всего искать у поляка Ю. Мацкевича или у старой эмигрантки И. Сабуровой. Вторая волна безмолвствует... Не диво, понятно: над каждым висел меч выдачи (да и посейчас висит), так что о прошлом открывничать не рекомендовалось. О нем, сплющ да рядом, врут и в появляющихся теперь некрологах, скрывая самые почетные в биографии людей страницы: их борьбу против большевизма.

Как жаль, что Ржевский сам свой шедевр искалечил, прибавив к нему неудачный доводок под заглавием "Между двух звезд"! Неудачным же он получился потому, что в тот момент автор увлекся идеей солидаризма и пытался стать ее пропагандистом (вскоре потом он, в реальности-то, целиком отошел от нацизмчиков). Ну и, независимо от объективной ценности (весьма относительной) энтэсовской идеологии, — в повести просто не получилось слияние художественного элемента с политическим; она оказалась сера и слаба.

От партийного влияния писатель освободился, переехал в Швецию, потом в США, стал профессором со вполне обеспеченным существованием. Тут бы, можно подумать, и развернуться его возможностям!

Ан нет. Два элемента боролись в нем с бесспорной его литературной одаренностью и мешали свободному полету, все время утягивая вниз. Одну тeneвую черту в его творчестве мы уже отметили: тяготение к сексуальным темам, вероятно навеянное американским окружением (по *русскому* писателю противопоказанное).

Другой была его склонность к новаторству, к натянутым модернистским приемам, нередко тягостная для читателя.

Когда он, например, рассказывает большой эпизод в романе или в повести, а потом сообщает, что мол ничего этого на деле не произошло, а он все просто выдумал, — испытываешь чувство, будто тебя обманули и теряешь охоту далее следить за происходящим. Впрочем, надо признать, что от подобной техники он постепенно отошел тоже.

Смешно и грустно, что книжка сопровождается комментариями отзывами Г. Адамовича, критика пристрастного и бездарного, самого к литературному творчеству неспособного, а в жизни отмеченного позорным грехом. Его бы похвалами гордиться никак не стоило.

Владимир Рудинский

ЖУРНАЛ «СОГЛАСИЕ»

В Лос Анжелесе издается русский патриотический журнал "Согласие".

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Выходит один раз в месяц.

Подписная плата в США — 18 долл., за границу — 21 долл.

Чеки направлять по адресу:

"S O G L A S I E"

5430 Fernwood Avenue

LOS ANGELES CA 90027 USA.

Желающим высылаются пробный номер бесплатно.

ПЕЧАТЬ

КАМЕНЬ ВМЕСТО ХЛЕБА

Тоскливое впечатление оставляет пространная статья С. Григорьянца (точнее, доклад, сделанный им на каком-то семинаре в Москве) в "Русской Мысли" от 18 декабря. Ни слова о нравственных вопросах, о вере, о Боге; тем более, понятно, о прошлом России. Он пудю бубнит: "Техника, техника... Демократия, демократия..."

Это Чехов мог наивно верить, будто в электричестве больше любви к человеку, чем в Евангелии. А мы, — мы видели на практике, к чему ведет техника, когда за нею не стоят ни религиозные, ни моральные устои.

Попутно Григорьянец, явно не без угрозы, напоминает, что мол в СССР русских не больше половины жителей (понимай так: их и вырезать недолго!). Не приведи Господи, чтобы пришлось в этом плане мериться силами. Но уж как до того дойдет, — поглядим, что выйдет!

Надежды свои докладчик возлагает на мирные перемены в Советском Союзе. Если сии надежды искренни, — то они близоруки и непродуманны. А рассуждения, что якобы большевицкий строй по своей структуре слабее западного, — к сожалению, они вилами на воде писаны. Подобные иллюзии можно было питать разве что до вьетнамской войны; но не после ее уроков.

Если суждено России лучшее будущее, — то, бесспорно, не на тех путях, кривых и ложных, куда ее старается завести редактор "Гласности".

Но, конечно, решение — в руках Верховного Суда, к которому Григорьянец поворачивается спиной.

ЧЬЯ ЭТО ГАЗЕТА?

В том же номере анонимный корреспондент из Москвы сообщает, что больше всего на свете он боится прихода в СССР ко власти *русотитов*, то есть установления национального русского строя!

Конечно, "Русская Мысль" никогда не имела права на название, которое себе присвоила; но до такого позора как теперь она еще никогда не доходила.

Еще не так давно, она на каждом шагу жонглировала словом *национальный*, — *национальная Россия*, *национальная газета* и т. п. Ныне она то же самое слово употребляет уже только в ругательном, уничижительном смысле. Иные времена, иные и песни...

ЧЕМ СЧАСТИЕ НАХОДЯТ

Здесь же, в некрологе Д. М. Панину, В. Максимов снисходительно, но и несколько свысока, отмечает о покойном писателе:

"Не желая, да и не умея дипломатически лукавить, Панин всегда говорил, что думал и думал, что говорил, а такая прямота дорого обходится не только на Востоке, но, к сожалению, и на Западе". И справедливо указывает: "Но оттого

же его собственная судьба на Западе складывалась далеко не безоблачно".

Не будем спорить: сам Владимир Емельянович, как публицист и редактор, вполне обладает искомыми качествами: желает и умеет дипломатически лукавить, часто думает не то, что говорит, и никогда не говорит то, что думает. Зато и судьба его на Западе покамест вполне благополучна!

У Панина, правда, было одно ценное преимущество: чистая совесть.

ПРЕСТУПНИК НОВОГО ТИПА

Парижский журнал "Франс-Ди-манш" от 14 декабря рассказывает жуткую историю убийств среди старых женщин, проживавших в столице Франции в течение 4 лет. Общее число жертв дошло до 21; из них 8 в 1984, одна в 1985, 10 в 1986 и 2 в 1987 году. Можно удивляться, что злодей столь долго оставался неуловимым. В конце концов, 1 декабря, его задержал на улице полицейский комиссар по фамилии Жакоб, на основе описания паружности вишневой, циркулировавшего в полицейских материалах. В частности, его выдал синий берет, который он неизменно надевал, отправляясь на ловлю новой подходящей старушки.

24-летний Тьерри Полен оказался мартиникалским негром (и платиновым блондином, с шевелюрой обесцвеченной перекисью водорода). Ну, это — более или менее случайный признак: сотни мартиникашцев живут в метрополии, мирно трудясь, кто в роли рабочего, а кто и интеллигента. Более любопытно, что Полен — гомосексуалист и наркоман. Когда он работал, то — выступал на сцене в женском платье, во всякого рода специальных театрах и кафе. Последнее же время, он и в том не нуждался: вел роскошный образ жизни, устраивал для друзей, великолепные обеды в дорогих ресторанах.

Когда же средства выходили, — он отправлялся на новый грабеж. Выслеживая на улице, обычно около почты или банка, старую даму, бравшую там деньги, провожал ее до квартиры, врвался и ее прикарчивал, нередко подвергая сперва пыткам, чтобы сказала, где хранит свои сбережения. Счастье неизменно ему в этих рискованных экспедициях благоприятствовало. Знакомым он цинично говорил, что мол идет спать со счета пужную сумму. Доход получался, в целом, вполне удовлетворительный. Если выходило меньше, чем нужно, — он совершал не одно убийство, а два или даже три.

Теперь выгодный промысел прерван арестом. Надолго ли? Смертная казнь во Франции отменена; в тюрьме уголовники долго не засиживаются; на то есть амнистии. Вероятно, карьера г-на Полен еще отнюдь не закончена; хотя перерыв в его деятельности, на некоторое время, неизбежно наступит.

В. Р.

А. ФЕДОСЕЕВ

КЛЮЧ К ДИСКУССИИ С В. ЛЁШИНЫМ

Какой же предстает перед нами будущая Россия по В. Лёшину после его разъяснений ("Н. С." № 1943)?

1. "Тяжелая же промышленность, как жизненно важная, *должна* оставаться в ведении государства и финансироваться из бюджета со строгим контролем использования. Тем более, военная промышленность не должна перейти к частникам".

2. "В новой России *должны немедленно* принять в основу жизни кооперирование населения".

3. "Бесконечные артели, строившиеся по принципу *трудовых коллективов*, проявляли большую хозяйственную жизнеспособность, чем что бы то ни было в мире".

4. "Частники будут существовать, но они будут *вынуждены* предоставлять своим рабочим те же привилегии, какие рабочие имеют в кооперативных предприятиях, если они хотят с ними конкурировать".

5. "И *правы* были славянофилы, защищая *Общину* в прошлом".

Нетрудно видеть, что будущая Россия по В. Лёшину соответствует тому, что сейчас существует в Польше, Восточной Германии, Венгрии, Югославии, и тому, что было при советской власти при НЭПе. А именно, тяжелая промышленность ("командные высоты" хозяйства) в руках государства и душит все хозяйство высокими ценами на ее продукцию и ее низким качеством. Частники и кооперация существуют в значительном числе и снабжают население всякой мелочью, тоже дорогой и плохой, так как все сырье полуфабрикаты, машины, энергию и топливо они получают от государственной тяжелой промышленности. Сельское же хозяйство в этих социалистических странах преимущественно частное и, следовательно, более свободное, чем по В. Лёшину. Дореволюционная крестьянская община, которую предлагает В. Лёшин (п. 5), была, фактически, крепостным правом, но только не помещика, а этой общины. Крестьянин не мог даже уйти в город на заработки без разрешения общины. Община падала и переделывала землю крестьян в двух и более кусках в разных местах, чтобы у всех была одинаковая смесь хорошей и плохой земли (равенство и братство). Эта чересполосица и замена участков при переделах приводили к тому, что крестьянин просто не мог стать хорошим хозяином и производителем, улучшать землю и холить ее. Община стала страшным тормозом (правда, меньше, чем советские колхозы) для развития сельского хозяйства. Столыпинская реформа и имела целью освободить крестьян от общины и превратить их в заинтересованных хозяев и эффективных производителей. По существу, община была колхозом, но без вмешательства государства и государственного планирования. Следует сразу же отметить, что В. Лёшина в его строе меньше интересует эффективность, производительность народного хозяйства и вытекающая из них процветающая экономика и высокий уровень жизни, чем равенство и братство. Его строй более социалистический и коллективистский, чем в этих нынешних социалистических странах. Спрашивается, если В. Лёшин считает свой строй хорошим, почему население этих

стран единодушно считает его плохим и борется против него?

Любопытно, что государственный строй В. Лёшина в точности соответствует и тому улучшению социализма, которое предлагает Горбачев в СССР, как это может прочитаться каждый в его докладах. В частности, он предлагает освободить колхозы от государственного вмешательства, то есть превратить их в подобие достопылинских общин, пропагандируемых В. Лёшиным. Точно также Андропов, а затем Горбачев ввели эти самые *трудовые коллективы*, которые предлагает В. Лёшин. В точности по В. Лёшину, трудовые коллективы контролируют свои предприятия, а государство дает им заказ за определенную сумму денег. Выработали заказ больше, получаете больше. Выработали меньше, получите меньше денег. Зарплата будет и больше и меньше в зависимости от результатов работы трудового коллектива. В докладе по поводу 70 лет революции Горбачев, как и В. Лёшин, пропагандирует кооперацию, цитируя В. Ленина (не В. Лёшина), что "социализм есть, в сущности, общество цивилизованных кооператоров".

Спрашивается, почему нужен такой строй В. Лёшину? Явно, как я уже отмечал, не потому, что этот строй обещает экономическое процветание. Наоборот, В. Лёшин прямо пишет: "и они (государственные фабрики и заводы тяжелой промышленности. А. Ф.) работали настолько плохо, что едва достигли за пять лет 30 % довоенного". И в этом В. Лёшин абсолютно прав. Опыт и НЭПа и многолетний опыт нынешнего Запада показывают, что государственная тяжелая промышленность всегда неэффективна и разорительна. Поэтому все правительства Запада сейчас единодушно стараются распродать ее корпорациям (смотрите, например, в № 1943 "Рыночный социализм").

В. Лёшин почему-то не объяснил нам, что есть три сорта кооперации: производственная, сбытовая и потребительская. Сбытовая кооперация это объединение мелких производителей (например, крестьян) для продажи своей продукции непосредственно потребителю, не перекупщикам, наживающимся за счет производителей. Этот вид кооперации всегда существовал и будет существовать, если есть мелкие производители. Крупные производители и тем более монополизные, в этом очевидно не нуждаются.

Потребительская кооперация это объединение потребителей для оптовой и, следовательно, со скидкой закупки товаров, которые затем продаются пайщикам с несколько меньшей, но тоже скидкой. В. Лёшин пишет, что этот вид кооперации был в свое время очень распространен в Германии, обслуживая бедные слои населения. После повышения общего уровня жизни этот вид кооперации исчез за ненадобностью, как это отмечает и сам В. Лёшин. Я думаю, что уровень жизни в будущей России будет высоким.

Что касается производительной кооперации, то о ней у В. Лёшина сказано очень мало, если не говорить об упоминании артелей, построенных по принципу трудового коллектива. А именно *производительная* кооперация всегда была мало эффективной и

влачила жалкое существование.

Таким образом, строй В. Лёшина для будущей России является хорошо известным вариантом социализма и коллективизма, неспособным привести к процветанию. Если бы В. Лёшин не предписывал: "должна" (п. 1), "должны немедленно" (п. 2), "вынуждены" (п. 4). Если бы он предоставил свободу для любых видов предприятий с тем, чтобы лучшие, наиболее производительные из них, в условиях свободной конкуренции выжили и обеспечивали тем процветание будущей России, кто бы стал протестовать? В. Лёшин этого сделать не может. Он должен предписывать, так как *знает* экономическую неэффективность его строя.

Любопытно, что В. Лёшин цитирует И. Солоневича: "Если в России восстановится монархия, то каждый хозяйственник, как "обобществленного" (то есть государственного, кооперативного, корпоративного А. Ф.) или "частного" сектора будет в основном зависеть от себя: сможет ли он или не сможет выдержать конкуренцию". То есть И. Солоневич правильно и в противоположность В. Лёшину *не* предписывает вид предприятий и вид собственности, а предоставляет это силам конкуренции.

Спрашивается, по какой же причине мил В. Лёшину его строй? Мне кажется, причина этого превосходно раскрыта Н. Сидоренко ("Н. С." № 1947):

"Во многих кругах, особенно "интеллектуальных", существует подсознательная тоска по потерянной утопии социализма, который должен был осчастливить человечество. Да и не только одного только социализма, но того общего течения "просвещения" (из которого родился социализм), обожествившего человеческий разум, и уже провозгласившего окончательную формулу "свободы, равенства и братства".

Фактически, ключом к нашей с В. Лёшиным дискуссии является его очень важная ссылка на то, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Следовательно, человек не создан быть эгоистом: Бог же не эгоист. Однако, как же понимать В. Лёшина? Ведь на свете были и Иоанн Кронштадтский, святые апостолы, множество других святых людей, и в то же время были и Ирод, и язычники, и Ленин, и Сталин, и Гитлер, и английский "Джек потрошитель" людей. Значит они не были созданы Богом? Кем же? До сих пор считалось, что все человечество и вся вселенная созданы Богом.

Если следовать В. Лёшину, дело может кончиться тем, что только мы с В. Лёшиным окажемся созданными Богом, так как мы считаем себя хорошими, а все остальные будут нами причислены к созданиям, кого же? Сатаны?

Очевидно, что быть созданным по образу и подобию Бога совсем не означает быть равным Богу. Человек не Бог. Бог создал и человека и весь мир и все законы, по которым этот мир и человек действуют. Всё в этом мире происходит по законам Бога и человек не может их переступить. В пределах этих законов существует добро и зло, счастье и несчастье, самоотверженность и эгоизм и т. д., и т. п. В пределах этих законов человек

может действовать свободно, по своей воле. Быть и эгоистом и самоотверженным, добрым и злым, святым и извергом. Человек, изобретая пистолет (или термоядерную бомбу), может это делать только, следуя законам, данным Богом. Продырявить сердце или голову другому человек может только по законам полета пули и ее пробивной силы, которые тоже даны Богом.

Дав человеку такую свободу, Бог дал ему и завет бороться против зла за добро, меньше грешить, совершенствоваться и, в конечном итоге, в соответствующее время предстать перед Его судом и получить по заслугам. Спрашивается, что же тогда плохого в социалистической идее? Ведь она имеет в виду превратить всех в честных, самоотверженных, трудолюбивых, героических людей. Создать тем самым райское общество на земле, в котором восторжествует равенство, братство, справедливость и свобода. Спрашивается, что же плохого, что и В. Ленин хочет так построить будущую Россию, чтобы эгоизм, жадность, бесчеловечность и прочие плохие качества людей подавлялись бы самой административной структурой государства, в которой общество сделало сильнее любого отдельного человека и каждый *должен* подчиняться обществу, трудовому коллективу, общине, государству, а не жить и действовать по своей воле, дашой ему Богом? (Тут В. Лёшин забывает, что общество есть абстракция, а от имени общества, трудового коллектива, общины, государства действуют все те же грешные, эгоистические люди. И власть этих людей в строе В. Лёшина становится огромной и опасной, так как они выступают от имени всемогущего общества, а действуют по правилу "своя рубашка ближе к телу".) Совершенно ясно, что В. Лёшин есть улучшатель человечества. Как и все улучшатели, В. Лёшин хорошо знает, что уговаривать людей стать честными и хорошими все равно, что крыловского кота Васюку ("А Васюка слушает, да ест"), совершенно бесполезно. Даже и хороший пример людям не указ. (Если, конечно, это все не в их, эгоистических интересах). Что же остается делать человеку, желающему улучшить человечество? Там слов не тратить попустому, где нужно власть употребить". Вот В. Лёшин и обращается к административно-политической власти, чтобы *заставить* людей стать хорошими.

И это противоречит завету Бога. Ведь одно дело, следовать завету Бога и улучшать самого себя, не грешить и совершенствоваться и тем только улучшать человечество. Другое дело, улучшать не себя, а других людей, как этого хочет В. Лёшин и притом безуспешно потому, что и улучшатель и улучшаемые остаются все теми же грешными людьми. Заметьте, что все нам известные улучшатели всегда улучшали не себя, а других, считая себя хорошими и не требующими улучшения. Как подметил И. Н. Андрушкевич, именно эгоизм человека привел к евангельской фразе: "Возлюби ближнего, как самого себя". Эта заповедь прямо говорит, что человек любит

себя больше всего (эгоист), а должен любить ближнего не меньше. Нигде в Евангелии не сказано, что человек должен улучшать не себя, а других.

В. Лёшин, наделив незаметно для себя грешных людей огромной властью представлять могущество общества, трудового коллектива, общины, государства и подчинять себе остальных грешных людей, фактически, полностью закрывает дорогу к саморазвитию этих обладателей власти. Всем известно, что власть развращает, а большая власть сильно развращает. Человек у власти перестает уважать других людей, становится законченным эгоистом и тираном. Если бы у Сталина не было бы его, социализмом данной власти, он не смог бы стать таким извергом. Или Гитлер. И надо иметь в виду, что развращает любого вида власть: социалистическая, общественная, политическая, экономическая, финансовая, партийная, профсоюзная и т. п. Если она чрезмерна.

Наоборот, когда человек не имеет такой власти, чтобы подчинять себе других, он учится уважать других, считается с ними, входит с ними в компромиссы и соглашения, сотрудничать. Учитесь понимать, что его благо связано с благом для других, для всего общества. Начинает понимать чувствовать себя достойным и равноправным членом всего общества. Естественным образом, без всякого принуждения он становится коллективистом. Происходит по завету Бога самоусовершенствование человека. Это и есть то самое социальное равновесие и получается оно, без всякой утопии, законом ограничением любой власти человека над человеком (экономической, финансовой, политической, административной, партийной, профсоюзной) до размеров, обеспечивающих функцию законности и порядка. Законом запрещением гигантов и монополий, то есть чрезмерных концентраций власти человека над человеком.

Если трудящийся создаст свое дело и станет частником (а все частники вышли из трудящихся), он начинает проявлять свой эгоизм по другому. Когда он был трудящимся, он эгоистически хотел для себя побольше зарплаты и поменьше работы в наилучших условиях. Став частником, он естественно и тоже эгоистически хочет платить меньше зарплату за больший и лучший труд в скромных условиях. Разве эта перемена занятий может изменить человеческую сущность? Конечно, нет. Эта перемена лишь меняет интересы человека и его поведение, а не его сущность.

Подавляющее число читателей "Н. С." являются, конечно, трудящимися. Однако не страдают ли они, когда их дом плохо построен (трудящимися), когда товар, купленный ими, сделан (трудящимися) недоброкачественно. Когда цены на товары вздуваются до небес (трудящимися), которые силой губительных для общества забастовок заставляют платить себе непропорционально высокую зарплату. Когда самолет, плохо сконструированный трудящимися инженерами или плохо отремонтированный другими трудящими-

ся, терпит аварию. Когда по милости забастовщиков выключено электричество, нет тепла, не работает почта, не работает транспорт, а больные в больнице подвергаются смертельной опасности. Нетрудно видеть, что эгоизм трудящихся направлен против самих же трудящихся и их семей. Капиталисты и богачи от него не страдают. И так же нетрудно видеть, что эгоизм частника направлен в пользу трудящихся же, увеличивая количество товаров и их качество и удешевляя их. Ликвидируйте частника и получите социализм. Конечно, дав монополию силу частнику, тоже создадите нищету. Монополист будет платить нищенские зарплаты, производить мало и недоброкачественных товаров по вздутым ценам. Необходимо именно равновесие (социальное) и конкуренция. Нужно, чтобы было много частников. Тогда не будет безработицы и трудящиеся смогут выбрать себе хозяина по вкусу при подходящей зарплате и условиях. Сделать это нетрудно. Нужно не давить частника налогами и законами, он и расплодится. А зарплата и уровень жизни будут высокие, так как трудящиеся будут организованы и продуктивно трудиться и производить все в достатке, высокого качества и дешево.

Итак, суть в достаточном *равновесии* частников и трудящихся с небольшим перевесом в пользу частника, весьма полезного для общества. Кто лучше всех бережет копейку и любое имущество, из которых составляется богатство общества? Частник-хозяин. Недаром все 70 лет советские вожди вопят о необходимости трудящимся быть хозяевами, а они ими все 70 лет не становятся, так как государственное не свое, а чужое.

И прибыль частник не кладет, как утверждает В. Лёшин, себе в карман. Он пускает ее в оборот на расширение и улучшение производства (для общества). Миллиардные прибыли составляют всего 3-5 % от много-миллионной стоимости произведенных товаров и услуг. Если эти 3-5 % прибыли распределить поровну среди миллионов трудящихся, они и не заметят этой прибавки. Даже строн себе дворцы и яхты, частники дают трудящимся этим самую работу и оплачивают ее из той части прибыли, которую они расходуют на себя. Карл Маркс успешно поработал, полностью извратив картину экономики в мозгах трудящихся, заставив их поверить, что спасительный для них частник является якобы врагом. Однако чары Маркса и социалистов постепенно выветриваются и трудящиеся начинают понимать, что к чему. Словом, я уверен, что российские народы, испытав материальную и духовную нищету социализма (без частника), никогда не согласятся на социалистический же вариант В. Лёшина. Будущая Россия не будет построена по В. Лёшину. Однако, и я и, я думаю, читатели должны быть очень благодарны В. Лёшину за умелую и квалифицированную защиту В. Лёшиным его позиции. И независимо от того, кто окажется в будущем прав, истина восторжествует. Наша дискуссия одна из тропинок, ведущих к истине.

А. ФЕЛОСФЕВ

Языковые уродства

ЯПОНЕЦ МАКНАМАРА

Роман С. Юрьенена "Большой стрелок" (Париж, 1984) изобилует страшными и причудливыми ошибками. Автор называет "бывшего министра обороны США Макнамара" японцем. Откуда у него такие сведения? Фамилия *Мак Намара* — чисто ирландская и широко распространенная на Зеленом Острове; она, между прочим, означает "сын морской собаки".

В другом месте писатель ссылается на восточную притчу, в коей герой, спасаясь от смерти, бежит "в незнакомый ему город Самарру"; на деле, в этой хорошо известной сказке фигурирует *Самарканд*.

Юрьенен, как сообщает аншлаг на его книге, живет в Париже; но он плохо знает столицу Франции. В ней нету никакой *рю Сен Женевиев де Монтань*; а есть только *рю де Ла Монтань Сен Женевиев*; где и расположен упоминаемый им русский книжный магазин. А французские сигареты, куримые героем, называются не "Gitane", а "Gitanes". Сомнительно и написание *Марше Отюс*; лучше бы: *Марше о Пюс*.

Неважно у Юрьенена с французским; не лучше и с итальянским; вместо *dolce vita*, он пишет *dolche vita*; ну и по-польски неладно: вместо *Matka Boska Czestochowska*, мы встречаем тут *Chestochowska*.

Зато, как ни странно, он сравнительно правильно приводит фразу по-бретонски: "Piou eo va gwreg An-paig?" ("Кто такая моя жена Анпаик?"). Отметим, однако, что его рассуждение о бретонском национализме не совсем убедительно. Он говорит, что вот мол у литовцев, угнетаемых большевиками, есть основания для недовольства; а какие де могут быть у бретонцев? Но речь о разных вещах. Что за ужас советский строй, — все мы знаем. Тем не менее, в СССР литовский язык не преследуется и пользуется равноправием. Наоборот, во Франции бретонский язык долгие годы не имел никаких прав (да и сейчас не очень имеет), ни в преподавании, ни в печати, ни в официальных учреждениях. Попятно, что для патриотов кельтской Бретани это положение представляется ненормальным и тягостным; тут смеяться не над чем, а можно им только посочувствовать.

Аркадий Рахманов

О П И С К А

"В моей заметке "Кажущийся реверанс" ("Н. С.", № 1947), я допустил досадную опisku. Читатель, разумеется, следует *sensu stricto*, а не "strictu".

Владимир Брезгунов".

Ира Дейнекина поздравляет своих друзей с Рождеством Христовым и Новым Годом.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Как и в 1985 году, в начале этого года, президент Рейган и генсек Горбачев обменялись по телевидению поговорками посланиями. (В начале прошлого 1986 года обмен посланиями не состоялся). Оба лидера обещали в своих посланиях попытаться достичь в этом году соглашения о сокращении числа междуконтинентальных ракет, то есть ракет дальнего действия. Рейган одновременно выступил в защиту своей программы космической обороны, упомянув также человеческие права и региональные конфликты. Горбачев отметил "глубокие перемены" в СССР и заявил, что человеческая жизнь обладает ценностью в любой части мира. Он добавил, что СССР "готов действовать совместно" для разрешения местных конфликтов во всем мире.

Интересно, что государственный секретарь США Шульц, в своих комментариях в "Нью Йорк Таймс" о недавно состоявшейся встрече между Рейганом и Горбачевым тоже настаивает на "важности соглашений о человеческих правах, которые были подписаны в Хельсинки". Шульц добавил, что "НАТО полностью понимает, что СССР продолжает представлять большую угрозу для будущего свободного мира и для его ценностей". Шульц защищает достигнутые соглашения о устраниении ракет среднего действия. "Сцепление" США с Западной Европой не зависит, согласно Шульцу, от разворачивания (или сворачивания) того или иного вида ядерного оружия.

Иного мнения придерживается бывший государственный секретарь Киссинджер. В статье в "Ньюс-уик" Киссинджер отмечает замешательство в тех европейских кругах, которые всегда поддерживали США. "В течение больше чем одного поколения они признавали как акт веры, что ядерное оружие США необходимо для того, чтобы выравнивать преимущество конвенциональных советских вооруженных сил, и что установка ракет на Старом Континенте была существенной составной частью этой стратегии". Вообще, Киссинджер считает, что целью СССР "в течение поколения было отделение США от их европейских союзников". Больше того: "Теперь любая ядерная репрессия советской агрессии против НАТО должна будет исходить с моря или из США". В следствие этого, "гибкая ядерная репрессия становится почти невозможной".

Киссинджер считает, что отвод ядерного оружия из Центральной Европы откроет "щели для нейтралитета" и что НАТО "предпочитает быть побежденной конвенциональными вооруженными силами". Он ссылается на Тэтчер, которая считает, что существует угроза "замораживания невыгодного для Запада уравнивания сил".

П. Н.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоповичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires. Телефон: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за экземпляры газеты: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 1.30 австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки выставляются: Miguel Kireeff, for deposit only. Просьба не делать никаких денежных переводов в Аргентину.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578, 1430 Bs. As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franquico pagado. Conces. No. 4233
Interes General. Conces. No. 3980